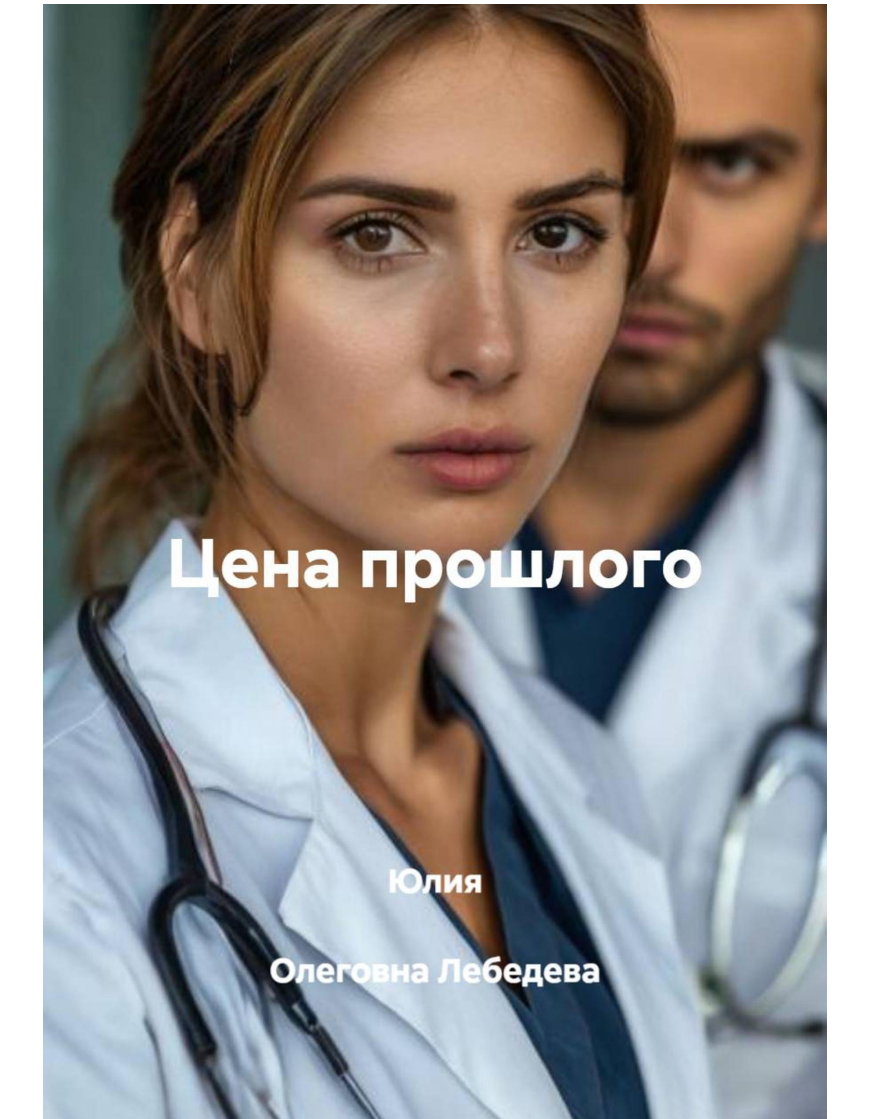

Цена прошлого

Юлия

Олеговна Лебедева

Юлия Лебедева

Цена прошлого

<https://litres.ru/74004521>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она родилась в семье врачей, где каждый день - экзамен на право носить фамилию. Катя сама выбрала этот путь. И пока её жених Паша тянет лямку в армии, а Катя грызёт гранит знания медицины, в её жизни появляется Вадим.

Может ли это быть случайной встречей? Или это чей-то сложный план?

Вадим знает о Кате то, что Паша даже не подозревает. Он связан с тайной, которую её семья пыталась похоронить двадцать лет назад. И теперь, чтобы защитить своё будущее, Кате придется решить кому верить. Человеку, которого она знает с самого детства, или тому, кто держит ключ от её прошлого?

Юлия Олеговна Лебедева

Цена прошлого

Глава 1

Утро понедельника началось с резкой трели будильника. Не открывая глаза, Катя одним точным движением накрыла его ладонью. В наступившей тишине стало слышно, как по стёклам барабанят капли дождя.

Она с трудом откинула одеяло и заставила себя сесть на кровати, пытаясь проснуться. Собственное тело казалось ей чужим, каждая мышца как будто налилась свинцовой тяжестью. Ноги сами нашарили на полу шерстяные тапочки — маленький островок уюта в холодном утреннем мире. Надев халат, она пошла в ванную.

Вспыхнувший свет был настолько ярким, что девушка даже на мгновение зажмурилась. Она умылась холодной водой и тщательно почистила зубы, почувствовав себя немного бодрее.

Затем Катя прошла на кухню, чтобы приготовить завтрак.

Она открыла холодильник. Внутри царил идеальный порядок, который всегда поддерживала мама: контейнеры с едой подписаны аккуратным почерком, баночки со специями выстроены в ряд, пакеты молока и кефира стоят ровно по датам годности. Её взгляд безразлично скользнул по полкам. Есть не хотелось совершенно. На средней полке сиротливо стоял пластиковый стаканчик с йогуртом — единственный

продукт, который не требовал ни готовки, ни разогрева. Рядом примостилась бутылка минеральной воды.

Решение было принято за неё ещё вчера вечером, когда она валилась с ног от усталости. Она достала йогурт, взяла с сушилки глубокую керамическую кружку с отколотым краешком — её любимую, отцовскую — и насыпала в неё две ложки растворимого кофе.

Щелчок кнопки чайника показался оглушительным в утренней тишине квартиры.

Пока закипала вода, Катя облокотилась на столешницу. Запах дешёвого кофе ударил в нос, и на неё нахлынуло воспоминание.

Ей 5 лет. Глубокая ночь, но она никак не может уснуть. Босые ноги ступают по холодному полу коридора их старой квартиры. Со стороны кухни падает полоска света. Она заглядывает внутрь. Отец сидит за столом, заваленным историями болезней и снимками МРТ. Он трёт красные от недосыпа глаза, делает глоток кофе и морщится.

— Папа!

— Котёнок мой, ты чего не спишь?

Голос у него усталый, но тёплый.

Она подходит к нему, он сажает её на колени и целует в макушку, пахнущую детским шампунем.

Щелчок вскипевшего чайника вырвал Катю из прошлого. Она вздрогнула и смахнула непрошеную слезинку.

Йогурт уже не казался такой унылой затеей. Это была еда

ради энергии, а не ради удовольствия. Желание доказать себе, что она достойна этой фамилии, оказалось сильнее голода.

Вернувшись в спальню, она начала собираться. На кровати выросла стопка одежды: юбка молочного цвета средней длины и кремовый свитер. Рядом на стуле уже висел отглаженный белый медицинский халат. Катя механически расчесала волосы и собрала их в простой хвост на затылке. Затем она поместила халат в чехол, а в рюкзак положила конспекты, зачётную книжку, пенал, бутылку воды и яблоко. В отдельный чистый пакет убрала сменную обувь, медицинскую шапочку и бахилы — обязательный набор для будущего медика.

Она в последний раз оглядела прихожую: утюг, газ, свет и вода были выключены. Надев кроссовки и взяв с полочки ключи, она застегнула куртку и вышла из квартиры.

Варя с досадой посмотрела на часы: до начала первого урока осталось десять минут, а ей ещё нужно было успеть переодеться. Она уже собиралась уходить, как вдруг дверь подъезда распахнулась и из него вышла Катя.

— Ты чего так долго? Я опаздываю между прочим, — проворчала подруга.

— Извини.

— У тебя всё хорошо? Выглядишь какой-то усталой.

Катя неопределённо пожала плечами.

— Опять что ли всю ночь над учебниками просидела?

Слушай, ты наверное себя в гроб быстрее загонишь, чем диплом получишь.

— Зато родители мной гордятся.

— И то верно.

— Ну беги, а то и правда не успеешь, — сказала Катя.

— Пока.

— Пока.

Помахав на прощание рукой, Варя быстрым шагом направилась в сторону школы. Проводив подругу взглядом, девушка пошла к автобусной остановке, чтобы ехать в институт.

Когда Катя вошла в аудиторию, там уже стоял привычный гул голосов. Её соседка по парте Дина была уже здесь и, как всегда, сидела, уткнувшись в телефон.

— Привет, соня, — не отрывая взгляда от экрана, бросила подруга.

Катя молча достала конспект. Буквы расплывались перед глазами от недосыпа.

Прозвенел звонок. В этот момент дверь открылась: в аудиторию вошли их староста Милá и вместе с ней молодой человек в простой белой водолазке и светло-синих джинсах. В руках он сжимал кожаный портфель для документов.

— Ребята, прошу минуточку внимания! Хочу познакомить вас с нашим новым однокурсником Вадимом Смирновым.

По рядам прокатился шёпот.

— Смотри, какой красавчик! — шепнула Дина, наклонившись к самому уху Кати. — Спорим, пройдет совсем немного времени, и он будет моим?

— Мне кажется, что у тебя нет никаких шансов.

— Посмотрим.

Она хотела ещё что-то сказать, но тут вошёл преподаватель.

— Всем доброе утро.

— Доброе утро, — вторил ему нестройный хор голосов.

— Рассаживаемся по местам, — сказал он, проходя к кафедре.

— Ты не против, если мы вместе сядем? — спросил Вадим.

— Хорошо.

Они прошли к свободному месту у окна. Достав из портфеля чистую тетрадь и ручку, он приготовился слушать.

Преподаватель открыл журнал и стал отмечать присутствующих. После чего объявил тему лекции: "Опухолевый рост, общая патология".

Глава 2

Воздух холодный и колкий жёг лёгкие. Каждый следующий шаг давался тяжелее предыдущего, но остановиться означало проиграть не только норматив, но и уважение к себе. Уставшие, они возвращались в часть.

— Становись! Равняйся. Смирно!

Колонна солдат в одно мгновение обрела структуру и порядок, превратившись в безупречный строй. Выравнивание по носкам, доклад командиру... Всё это Паша делал на автомате, мечтая лишь о том, чтобы снять с себя эту пыльную форму, умыться холодной водой и хоть ненадолго упасть лицом в подушку.

Но вместо этого их ждал урок химии в аудитории с запахом мела и старой древесины. Сидя за третьей партой, Паша пытался заставить себя слушать.

Неожиданно в дверь раздался осторожный стук. Преподаватель нахмурился и громко произнёс: «Войдите!».

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в проёме показалась голова курсанта с повязкой дежурного на рукаве.

— Разрешите обратиться?

— Слушаю.

— К Неклюдову пришли.

— До конца занятия пятнадцать минут. Передай, чтобы подождали.

— Есть!

Оставшееся время Паша смотрел на часы, казалось, что стрелка намертво прилипла к циферблату. Он механически водил ручкой по тетради, выводя бессвязные каракули.

Вдруг резкий запах мела и старой древесины сменился другим — сладким, летним. Память мгновенно унесла его на двенадцать лет назад...

Ему восемь, ей шесть. Её рот перемазан спелой земляникой, и она постоянно хихикает. Солнце уже клонится к закату, его лучи пробиваются сквозь листву, рисуя на её щеках золотые узоры. Катя замолкает, глядя вдаль. В этот момент она кажется ему самой красивой девочкой на свете. Повинуясь внезапному порыву, он наклоняется и целует её прямо в губы, пахнущие летом и земляникой.

Скрип мела по доске вернул его в реальность. Как только прозвенел звонок, он одним из первых выскочил из аудитории и бегом направился к КПП.

Внутри, в небольшой комнате для посетителей с бледно-зелёными стенами, его уже ждали. Нина нервно теребила ремешок сумочки, а рядом на стуле сидела Варя и листала ленту в телефоне.

— Что у тебя там такого важного?

— Мам, отстань. Димка позвал меня в кино, а я здесь торчу.

— Ты что, не хочешь увидеть брата?

— Хочу, конечно. Но он же всё равно через месяц приедет домой.

В этот момент дверь снова распахнулась. На пороге стоял Паша. Он замер на секунду, увидев обеих, а затем его лицо расплылось в удивлённой и радостной улыбке.

Он в два шага пересёк комнату и, подхватив сестру, оторвал её от пола вместе с телефоном.

— Пашка! — взвизгнула Варя, на секунду забыв про своё недовольство.

Нина смотрела на них с нежной улыбкой, но потом её взгляд стал тревожным. Она подошла к сыну и провела ладонью по его плечу.

— Похудел-то как... Устал?

— Есть немного. Недавно с марш-броска вернулись.

— Бедный мой... Но ничего, потерпи. Осталось-то всего ничего.

Паша улыбнулся, обнимая мать одной рукой, а другой всё ещё держа смеющуюся Варю.

— Знаю. Я и сам дни до дембеля в блокноте зачёркиваю.

Прозвенел звонок с третьей пары. Записав домашнее задание, студенты шумной толпой покинули аудиторию. Катя посмотрела на часы, прикидывая, успеет ли она перехватить булочку в буфете до следующей лекции.

Телефон в рюкзаке зазвонил так неожиданно, что она вздрогнула. Выйдя в относительную тишину коридора, она

увидела на экране знакомые лица.

— Привет, котёнок!

— Папочка! Мамочка! Как же я по вам скучаю!

— Доченька моя, здравствуй! Как ты там одна справляешься? Как учёба?

У Кати на глаза навернулись слёзы. Два года назад родители уехали в Ереван, когда её сестра Тамара родила сына, а их брак с Ильёй дал трещину. Они были на грани развода, но потом, слава богу, всё наладилось. Благодаря поддержке родителей Тома смогла раньше выйти на работу и встать на ноги. Катя скучала по ним всем сердцем.

— Учёба нормально, стараюсь. У вас всё хорошо? Как малыши?

— Всё замечательно. Эмма в свои четыре года уже читает стихи на английском, а у Ванюши сейчас такой период — болтает без умолку! Уже пытается складывать слова в короткие фразы.

В этот момент на том конце провода раздался какой-то грохот, словно что-то тяжёлое упало на пол.

— Пап, что там у вас?

В трубке раздался добродушный смех.

— Да это твой отец решил показать Ванюше трюк с исчезающей со стола чашкой. Представление удалось даже слишком хорошо — вместе с ней исчезла и тарелка с печеньем. Теперь вот собираем осколки... А виновник торжества сидит под столом и хохочет.

— Вы там поаккуратнее.

— Не волнуйся, мы целы. Береги себя, родная. И помни, мы с мамой тебя очень любим.

— И я вас люблю.

— Ну беги, а то опоздаешь. Целуем!

— Пока.

— Пока, котёнок.

После разговора с родителями у Кати в душе остались смешанные чувства: радость боролась с острым чувством одиночества. Москва казалась особенно пустой без мамы и папы. Мысль о Паше отзывалась новой волной тоски.

Именно в этот момент из столовой вышел Вадим.

— Эй, с тобой всё в порядке? — спросил он, дотрагиваясь до её плеча.

Катя подняла на него заплаканные глаза. Их взгляды встретились, и они ещё долгое время не могли отвести их друг от друга.

— Ты такая красивая! Я очень рад, что мы теперь учимся в одной группе. Я могу пригласить тебя сегодня на чашечку кофе?

— Извини, но у меня есть жених.

— Да я же ничего такого не имел в виду, просто попью кофе, поболтаем.

— Ну хорошо... я подумаю.

— Тогда буду ждать твоего решения.

— Хорошо.

— Пошли? У нас следующая лекция.

Вадим протянул свою руку. Немного поколебавшись, Катя вложила в неё свою ладонь.

Дождавшись, пока парочка скроется за углом, Дина вышла из своего укрытия. Внешне она оставалась спокойной, но внутри поднималась ледяная буря.

«Да как она могла? Тоже мне лучшая подруга называется!»

Её мысли были острыми и злыми. Красота Кати, которой все восхищались, теперь казалась Дине дешёвой маской.

Она решила прогулять лекцию. Вместо этого она отправилась в ближайшее кафе. Сев за столик, она заказала двойной эспрессо и, откинувшись на спинку стула, стала думать, как ей отомстить теперь уже бывшей подруге.

Идея пришла внезапно: нужно поссорить голубков. Если он узнает об измене, то бросит её. Первой мыслью была их староста Мила, но Дина тут же отмела эту идею — она не знала Пашу лично, поэтому ей могло быть всё равно. Нужен кто-то, кто знаком с ними обоими очень близко... Может, попытаться воздействовать на него через сестру?

Быстро достав телефон, она зашла в социальную сеть ВК и, найдя страницу Вари Дубровской, отправила ей заявку в друзья. Теперь оставалось только ждать.

Посмотрев на часы, Дина поняла, что ей пора возвращаться в институт. Расплатившись за кофе, она накинула на плечи рюкзак и вышла из кафе.

Глава 3

Наконец-то прозвенел звонок с последнего урока. Варя сдала учителю пробный тест по алгебре и вздохнула с облегчением.

«Надеюсь, я всё правильно написала», — подумала она про себя.

Её мысли переключились на родительское собрание, которое должно состояться сегодня. Тройка по английскому языку светила ей практически гарантированно, и она знала, что мама будет недовольна. Нина Дмитриевна мечтала, чтобы после школы Варя поступила в престижный вуз. С пятого класса она старалась учиться на отлично, а когда в прошлом году у них появился новый учитель по английскому, у неё резко упала успеваемость.

Выйдя из школы, она полной грудью вдохнула свежесть весеннего воздуха. День был тёплым, солнечные лучи отражались в лужицах на асфальте. Девушка достала телефон и зайдя на свою страницу в ВК, увидела, что ей пришла заявка в друзья от Дины Королёвой.

Лицо на аватарке было смутно знакомым. Так это же институтская подруга Кати! Немного поколебавшись, Варя приняла заявку. Тут же в личку ей пришло сообщение:

«Привет! Нам нужно встретиться»

Профессор Соколов, известный специалист в области нейрохирургии, уверенно прошёл к кафедре. Он пользовался большим уважением не только среди коллег, но и студентов.

— Итак, дорогие второкурсники, — начал он, — сегодня мы продолжим изучение основ хирургии. Многие из вас уже освоили базовые техники, но сегодня мы углубимся в специфику нейрохирургии. Помните, что человеческий мозг — это самая сложная система в организме, и любое вмешательство требует высокой точности.

Он развернул проектор, и на экране появились схемы головного мозга.

— Обратите внимание на этот участок, — продолжил профессор, указывая на изображение мозжечка. — Видите, как плотно упакованы нервные волокна? Малейшее повреждение может привести к параличу или утрате когнитивных функций. Именно поэтому мы уделяем особое внимание методам микрохирургии.

Студенты внимательно слушали, делая заметки в своих тетрадях. Катя, сидевшая на третьем ряду, смотрела на профессора с восхищением. Она всегда мечтала стать нейрохирургом, и каждое занятие приносило ей радость и удовлетворение.

Рядом с ней сидела Дина, которая, казалось, была поглощена своими мыслями. Она краем уха прислушивалась к лекции, но её внимание привлекал Вадим, сидевший через

несколько рядов позади. Он выглядел сосредоточенным и серьёзным, что делало его ещё более интересным в её глазах.

Когда закончилась лекция, студенты начали покидать аудиторию. Погрузившись в свои мысли, Катя медленно собирала вещи. Она всё ещё волновалась за предстоящую встречу с Вадимом и надеялась, что он не разочаруется в ней.

Вдруг её телефон завибрировал в кармане. Она достала его и увидела новое сообщение от неизвестного абонента:

«Я знаю твой секрет»

Сердце Кати пропустило удар, а руки похолодели. Кто мог отправить ей такое сообщение? Что за тайна имелась в виду? Она перечитала текст несколько раз, пытаясь найти скрытый смысл.

Её мысли метались. Была ли это чья-то глупая шутка? Или реальная угроза? Вспомнив недавние события — Вадим как-то резко начал проявлять к ней своё внимание, непонятные намёки от друзей, — она почувствовала нарастающее беспокойство.

А что если её близким угрожает опасность?

Глава 4

Кафе находилось на берегу реки, утопая в зелени деревьев. Широкие стеклянные окна выходили на набережную, где гуляли влюблённые пары и молодые художники выставляли свои полотна. Внутри царила атмосфера уюта и стиля: деревянные столы, мягкие кресла и негромкая джазовая музыка, льющаяся из колонок.

Дина заняла столик у окна, заказала латте и устроилась поудобнее. Она нервничала, ожидая прихода сестры Паши.

Варя остановилась в дверях кафе, пытаясь отдышаться. Девушка, сидевшая за столиком у окна, едва заметно кивнула ей.

— Это ты Дина? — спросила она, подходя.

— Да.

— Что с Катей?

— Да ты присядь. Может, закажем чего-нибудь? — Девушка улыбнулась, но её глаза оставались холодными.

— Я не голодная. Так что с моей подругой?

Дина выдержала паузу, наслаждаясь моментом своей власти.

— Я не хотела писать тебе это в сообщениях, но... дело касается не только твоей подруги, но и твоего брата.

От удивления брови Вари поползли вверх.

— С какой стати? Насколько я знаю, вы с ним даже не

знакомы.

— Ты права, я видела его только на фотографиях. Но тем не менее... Катя попала в одну очень неприятную ситуацию.

— В какую?

Из девушки приходилось тащить каждое слово, словно клещами, и Варя начала злиться.

— Я не могу тебе этого сказать, это не моя тайна.

— Значит, так. Либо ты сейчас говоришь мне всю правду, либо я звоню родителям Кати, и тогда ты уже будешь разговаривать с ними. — Варя достала телефон и демонстративно разблокировала экран.

На секунду в глазах собеседницы промелькнул страх, но она быстро взяла себя в руки.

— Я жду.

— Хорошо, я расскажу. — Девушка помедлила, наклонилась вперёд и понизила голос до шёпота: — Только учти, всё, что ты здесь услышишь, должно остаться между нами. Его зовут Вадим Смирнов. Он начал очень настойчиво проявлять внимание к Кате. Насколько я знаю, она невеста твоего брата.

Девушка кивнула. Имя ей ничего не говорило, но тревога за подругу усилилась стократно, особенно когда собеседник добавила:

— Он хвастался перед друзьями, что сегодня эта «правильная девочка» обязательно будет в его постели.

Внутри у Вари всё оборвалось.

— А ты... ты случайно не знаешь, где они встречаются?

Собеседница снова выдержала театральную паузу, смакуя эффект.

— Конечно, знаю. В клубе «Адреналин».

Она была довольна собой. Пусть ей не удалось вывести номер Паши, зато её слова произвели нужный эффект: сестра была в панике. План сработал идеально.

Варя резко вскочила. Её стул с грохотом отъехал назад и ударился о соседний столик. На неё начали оборачиваться другие посетители.

— Прости, мне нужно срочно бежать! — выпалила она и бросилась к выходу.

Дина проводила её удовлетворённой улыбкой и откинулась на спинку стула. Дело было сделано.

Катя стояла перед зеркалом в своей комнате и смотрела на своё отражение. Для похода в клуб она выбрала лёгкое платье цвета морской волны, босоножки на высоком каблук дополняли её образ. Волосы она оставила распущенными, только немного подкрутив концы. Нанеся макияж, она подчеркнула глаза тушью и добавила немного блеска на губы.

Взяв клатч, в который положила телефон и ключи, она вышла из дома. Внизу её уже ждал Вадим.

— Привет, — сказал он, протягивая букет. — Ты выглядишь потрясающе.

Катя взяла цветы. Когда её рука случайно соприкоснулась с рукой Вадима, она почувствовала, как её как будто ударило

ТОКОМ.

—Поехали?

Кивнув, девушка села в машину. Автомобиль мягко тронулся, вскоре они уже катили по освещённым улицам столицы.

Глава 5

В армии время течёт иначе. Оно вязкое, тягучее, и каждый день похож на предыдущий. Но для Пашки Неклюдова последние месяцы службы пролетали со скоростью света. Он жил от письма до письма, считая недели до того дня, когда снова увидит её.

В редкие минуты отдыха он думал о Кате. Представлял её улыбку — открытую и немного застенчивую. Видел их будущий дом, полный света и уюта. В этих мечтах у них непременно было двое детей, сын и дочка. Он очень любил свою сестру Варю и был счастлив, что она у него есть.

Утро началось с привычной зарядки. Паша бежал по периметру полигона, ощущая, как мышцы напрягаются от усилий. Рядом с ним бежали его товарищи, и они поддерживали друг друга шутками.

После зарядки рота построилась в столовой. Паша занял свободное место рядом со своими товарищами. К их приходу на столе уже стояли тарелки с горячей овсяной кашей. Нарезанный батон, сливочное масло и сыр. В кружках был налит чай.

Ребята молча брали еду, стараясь успеть съесть побольше, пока не закончится отведённое время. Он ел быстро, но с аппетитом, чувствуя, как энергия возвращается к нему.

После завтрака курсанты собрались в кабинете алгебры. Прозвенел звонок, в аудиторию вошёл преподаватель и после доклада дежурного об отсутствующих, начался урок.

— Сегодня мы продолжим изучение квадратных уравнений. Кто помнит, как их решать?

Паша поднял руку и его вызвали к доске.

— Сначала определяем дискриминант, — объяснил он, записывая формулу. — Затем подставляем значения коэффициентов и находим корни уравнения.

— Отлично, присаживайтесь. Пять. Теперь попробуйте решить задачу самостоятельно.

Паша вернулся на своё место. Он писал условие, стараясь сосредоточиться на цифрах и формулах. Через 15 минут прозвенел звонок, записав домашнее задание, курсанты покинули аудиторию и вернулись в расположение.

Музыка в клубе «Адреналин» била по ушам так сильно, что казалось, вибрируют даже стены. Вадим был счастлив — правильная девочка Катя попала в его ловушку...

Весь вечер он не отходил от неё ни на шаг, и это её пугало. Она уже жалела, что вообще согласилась поехать с ним. Когда Вадим отошёл к бару, девушка достала телефон, чтобы вызвать такси, но экран был мёртв. Батарея разрядилась.

Вернувшись с двумя бокалами, парень оценил обстановку одним взглядом: спутница была расстроена и смотрела с тоской на свой телефон. Её нервы были натянуты до предела. Нужно было срочно действовать. Его взгляд скользнул по

ней: для клуба Катя выбрала платье цвета морской волны, которое сейчас выглядело неуместно элегантно среди ярких нарядов других девушек. Решение пришло мгновенно.

— Держи, тебе надо расслабиться, — сказал он, протягивая ей бокал.

Как только её пальцы коснулись стекла, Вадим сделал вид, что споткнулся об ножку стула. Коктейль разлился по ткани, оставляя тёмное пятно на светлом фоне.

— Чёрт! Прости, пожалуйста, я такой неуклюжий, — пробормотал он, делая виноватое лицо.

— Как я теперь домой поеду? — спросила она, чуть не плача.

— Я здесь недалеко живу, давай зайдём ко мне буквально на пять минут. Постираем, и всё будет в порядке.

Немного поколебавшись, девушка согласилась.

Вадим потянул её к выходу. Клуб уже казался пустым и чужим. Только где-то в толпе мелькнула знакомая фигура — Дина, которая смотрела вслед уходящей паре с выражением, полным недоумения и скрытой ярости.

Катя стояла у окна в квартире Вадима. За стеклом виднелись огни ночного города, казавшиеся чужими и холодными. Она провела рукой по мокрому платью и поморщилась — на светлой ткани расплывалось тёмное пятно, напоминая о случившемся.

Вадим поставил бокал на столик и медленно приблизился к ней. Его рука легла ей на плечо, а вторая осторожно кос-

нулась её щеки, стирая дорожку слёз.

— Какая же ты красивая... — прошептал он, наклоняя голову ещё ниже.

Она видела лишь эту невозможную синеву его глаз, в которых тонула сама ночь, чувствовала тонкий аромат дорогого парфюма с нотами горького кедра и свежего морского ветра. Их лица разделяли считанные сантиметры — пропасть, которую можно преодолеть одним коротким вздохом. Она уже начала поднимать руку, чтобы зарыться пальцами в его мягкие волосы на затылке, уже потянулась навстречу этому губительному теплу, впитывая его прерывистое дыхание своей собственной кожей.

И вдруг реальность обрушилась на неё ледяной волной. Что она делает? У неё же есть Паша, который надеется, что она ждёт его возвращения!

Взгляд Вадима, глубокий и обещающий неземное блаженство, всё ещё держал её в плену, гипнотизировал, затягивал в свою воронку. Но теперь сквозь этот дурман пробился острый запах предательства. Оно стояло прямо здесь, в этой залитой мягким золотистым светом комнате, пахло французским вином, оставленным в бокале, и сладкими духами.

— Прости, я пойду — прошептала она, краснея от стыда.

— Куда же ты в таком виде? Метро уже не ходит.

— Вызови мне такси.

— Ты можешь остаться у меня.

Не бойся, я тебя не трону... — усмехнулся он, увидев пани-

ку промелькнувшую в глазах Кати.

Диван в гостиной раскладывается, чистое бельё и полотенце я сейчас принесу.

Тишина вновь попыталась заползти в квартиру, но ей помешало мерное тиканье высоких напольных часов из темного дуба. Их тяжелый бронзовый маятник равнодушно отсчитывал секунды чужой усталости, отбрасывая на стену длинные, ломаные тени. Казалось, само время замедлило свой бег, давая возможность перевести дух.

Скрипнула дверь спальни, послышались приглушенные шаги по коридору, и спустя минуту знакомый силуэт снова возник на пороге. В руках он бережно, обеими руками, нес стопку ослепительно белого постельного белья. Ткань была сложена идеальным, ровным прямоугольником: плотная хлопковая простыня, две наволочки с туго заправленными уголками и сверху — большое махровое полотенце.

—Ванная прямо по коридору, шампунь и зубную щётку ты найдёшь в шкафчике около зеркала. Спокойной ночи.

Он добрел до кровати, стянул через голову рубашку и тяжело опустился на прохладные простыни. Старая панцирная сетка жалобно простонала под его весом. Он смотрел в абсолютный, бархатный мрак потолка, где плясали тусклые серебристые пятна — призраки фар пролетевший мимо машины. Сон бежал от него, трусливо прячась по дальним углам бессонницы.

А там, за стеной, Катя наверняка уже стояла под тугими

струями горячей воды, смывая с себя усталость долгого дня.

Она дышит этим воздухом, занимает пространство, которое он привык считать только своим, превращая холостяцкую тишину в обитаемый мир одним лишь фактом своего присутствия. А он лежит здесь, заложник собственных дурацких принципов, приличий или страха — он и сам уже путался в этих определениях — и вслушивается в чужую жизнь, пульсирующую так близко.

Где-то снова капнула вода — на этот раз точно из неисправного крана в его собственной ванной. Звук эхом отразился от кафеля. Вадим перевернулся на бок, до боли сжимая веки. Но даже сквозь плотно сомкнутые ресницы он продолжал видеть золотистый свет лампочки в шкафчике около зеркала и хрупкий женский силуэт в облаке горячего пара. Коридор превратился в незримый Рубикон, который он сегодня постыдно отказался перейти.

Он знал: стоит ему сделать шаг вперёд — всё может быть иначе. Вот только он не хотел своим необдуманным поступком спугнуть её.

Катя сидела на краю дивана, прислушиваясь к тишине квартиры. Разум кричал, что ей как можно скорее нужно бежать отсюда! Но куда она пойдёт? К Варе? Тогда всё придётся объяснять ей, а она ещё и сама до конца не разобралась в своих чувствах.

Её определённо тянет к Вадиму. Но с другой стороны, она не может не думать о Паше, с которым у них уже через

несколько месяцев состоится свадьба.

Девушка медленно закрыла глаза, чувствуя, как привычный мир вокруг неё рушится.

Глава 6

Дина лежала без сна уже третий час. За окном общежития начинало светлеть, но в комнате было холодно и пахло старой мебелью. Она не могла уснуть с тех пор, как вернулась домой после клуба «Адреналин».

Её телефон на тумбочке издал звук уведомления о новом непрочитанном сообщении. Это был Саша, с которым она встречалась в 11 классе. Они расстались незадолго до её отъезда в Москву.

«Как дела?» — коротко спросил он.

Дина даже не ответила.

Перед глазами снова и снова вставал тот момент у выхода. Они стояли слишком близко... Он держал её за руку...

Тот факт, что они ушли из клуба вместе, сжигал её душу до тла.

Когда она жила в Челябинске, всё было намного проще. Там остались друзья детства, понятные правила. Москва казалась ей огромным хищником, где каждый сам за себя.

За все эти два года, что она жила здесь, девушка так и не привыкла к бешеному столичному ритму.

На соседней койке храпел кто-то из однокурсниц. Дина натянула одеяло до подбородка. Она должна узнать правду любой ценой. Даже если это разрушит их дружбу навсегда.

Ереван.

В квартире пахло свежесваренным кофе и выпечкой. Тамара готовила завтрак, попутно отвечая на сообщения от коллег.

Илья вошёл в комнату, держа на руках полусонного Ваню. Мальчик тёр кулаками глаза и зевал. Он посадил его на диван и включил телевизор. Эмма оставила своих кукол и тоже присоединилась к брату.

— У нас сегодня будет очень сложная операция, вы можете? — спросил мужчина, обращаясь к тестю.

Олег коротко кивнул.

— Отлично, я тогда пойду собираться. Том, сделай мне пожалуйста кофе покрепче.

— А ты что, завтракать не будешь?

— Прости родная, времени нет.

Через несколько минут Илья вышел из спальни полностью собранным для работы. На нём были строгие тёмные брюки, белая рубашка и аккуратно завязанный галстук. Поверх всего этого он набросил лёгкий пиджак. Вид у него был сосредоточенный и деловой.

Олег уже стоял в прихожей полностью одетый, Тамара поцеловала детей и сказала им, чтобы они слушались бабушку. Через несколько минут захлопнулась входная дверь и в квартире наступила тишина.

Солнечный луч, пробившийся сквозь неплотно задернутые шторы, позолотил край кухонного стола. Марина с тихой, почти материнской нежностью смотрела на две пустые

тарелки — одну со следами молочной каши, вторую украшенную узором из крошек омлета. Ваня и Эмма, сытые, разомлевшие от тепла, уже гремели в прихожей: шуршали куртками, путались в шнурках кроссовок и спорили о том, чей самокат сегодня понесет почетное знамя утренней прогулки. Их голоса эхом отдавались от стен, но этот привычный бытовой шум больше не раздражал, а лишь подчеркивал хрупкую тишину опустевшей кухни.

Оставшись одна, женщина включила посудомоечную машину. Агрегат отозвался низким, утробным гулом, жадно принимая внутрь расписные чашки, липкие ложки и сковороду с застывшими островками желтка. Дверца закрылась с мягким пневматическим вздохом, навсегда скрывая следы недавнего завтрака. Затем она прошла по гостиной, собирая рассыпанные по пушистому ковру трофеи детских баталий: пластмассового рыцаря без копья, одинокого кубика Лего и плюшевую лису, которая теперь сиротливо жалась к ножке дивана. Каждая убранная вещь возвращала комнате ее строгий взрослый контур, стирая хаос раннего утра.

На кухне тонко запел электрический чайник. Марина заварила себе терпкий черный чай, бросив в кружку дольку лимона, отчего кипяток мгновенно окрасился в медовый янтарный цвет. С этим дымящимся напитком она опустилась на мягкий диван. Бархатная обивка уютно приняла в свои объятия уставшее тело. Выудив из кармана халата смартфон, она нашла в списке контактов имя «Катюша» и нажала на

кнопку вызова.

Длинные гудки растворялись в цифровой пустоте один за другим. Механический женский голос вежливо сообщил, что абонент находится вне зоны действия сети. Женщина легко пожала плечами, делая первый обжигающий глоток чая. Ни тени тревоги не скользнуло по ее лицу. Двадцатилетняя Катя давно жила своей собственной, стремительной жизнью, где расписание лекций напоминало карту военных действий. Скорее всего, дочь сейчас сидит в душной аудитории старого корпуса университета, записывая монотонную речь профессора, или просто оставила телефон беззвучно разряжаться в рюкзаке. Позже перезвонит.

Улица встретила их прохладным поцелуем октябрьского ветра и густой лазурью высокого неба, на котором не было ни единого облачка. Едва оказавшись во дворе, малыши тут же вырвали свои ладошки из руки бабушки. Словно два пестрых вспугнутых воробья, они сорвались с места и устремились напрямик к разноцветному деревянному кораблю детской площадки. Впереди бежал Ваня, воинственно размахивая воображаемой саблей. Заливистый смех детей взлетел вверх серебряными бубенцами, вплетаясь в шелест начинающей редеть листвы. Марина проводила их долгим, теплым взглядом, убедилась, что железная горка надежно держит их азарт, и направилась к старой парковой скамье под раскидистым клёном. Его багряные листья медленно осыпались ей под ноги, похожие на тлеющие угольки. Она достала из сум-

ки книгу в тканевом переплете. Страницы пахли сухой типографской краской, пылью дальних библиотек и сладковатой осенью.

Едва пальцы коснулись желтоватой бумаги, реальный мир начал отступать, истончаться, как утренний туман над рекой. Грохот проезжающих мимо машин превратился в далекий морской прибой, а визг детей на качелях стал фоном для разворачивающейся на страницах драмы. Буквы складывались в живые картины, черные чернила затягивали в свою глубину. Она сделала еще один глоток уже остывающего, ставшего горьким чая и окончательно погрузилась в чтение, выпав из суетливого настоящего в чужие судьбы и вымышленные эпохи. Время вокруг нее замерло, оставив женщину наедине с тихим шелестом страниц и неспешным танцем опадающих листьев.

Тяжелая дубовая дверь аудитории поддалась с третьего рывка, издав протяжный, вибрирующий стон. Дина толкнула её плечом и переступила порог, чувствуя, как по спине пробегают ледяная дрожь предвкушения неизбежной боли. Воздух в большой лекционной комнате казался густым от пыльных солнечных лучей, лениво плавающих в столбах света из высоких окон, и звенящей, осязаемой тишины.

Катя и Вадим уже сидели на своих привычных местах во втором ряду у окна. Они не обернулись на звук шагов. Словно были двумя актерами на сцене, настолько поглощёнными друг другом, что зрительный зал перестал для них существо-

вать. На Кате было всё то же платье цвета морской волны — струящийся шелк, который еще неделю назад так восхищенно хвалили все девчонки с потока. Но сегодня этот цвет не напоминал о летнем штиле; он отдавал мертвенной, холодной зеленью стоячей болотной воды. Ткань безжалостно облепляла фигуру, выдавая каждую линию тела, которое всю прошлую ночь принадлежало другому. Вадим выглядел хуже. Его обычно безупречно отглаженная рубашка топорщилась мятыми складками на животе, а под глазами залегли тяжелые тени свинцового оттенка. Он медленно потирал переносицу большим и указательным пальцами, пытаясь стереть въевшуюся усталость. Взгляд его был пустым, стеклянным, обращением куда-то сквозь парту, за пределы этой реальности. Бессонная ночь оставила на нем свои грязные, липкие отпечатки, словно клеймо позора, которое невозможно скрыть утренним кофе. Теперь сомнений не осталось: эти двое провели минувшую ночь вместе, сплетаясь в жарком бреду, пока Дина металась в своей постели, сжимая телефон в ожидании сообщения, которого так и не последовало.

Дина прошла мимо них к самому дальнему углу аудитории. Каждый шаг гулким эхом отдавался от высокого потолка. Она опустила сумку на потертый деревянный стул последней парты и тяжело рухнула рядом. Справа от неё тут же завожился Серёжа, вечно витающий в облаках. Он неловко улыбнулся ей щербатой улыбкой, но Дина смотрела только прямо перед собой. Её позвоночник превратился в натяну-

тую до предела струну, она физически ощущала затылком их присутствие. Ей отчаянно хотелось обернуться, бросить хотя бы один взгляд, потребовать объяснений, но гордость оказалась тяжелее собственного тела. Она даже не посмотрела в сторону подруги, демонстративно отвернувшись к окну, где мокрый после ночного дождя асфальт отражал серое небо.

Пальцы сами нашарили в сумке толстый учебник по общей хирургии. Дина раскрыла его на середине, вперив невидящий взгляд в глянцевую иллюстрацию со сложным многоуровневым разрезом брюшной полости. Плевральное дренирование, лапаротомия, техника наложения узловых швов на брюшину Мертвые буквы плыли перед глазами, отказываясь складываться в смысл. Как можно думать о лигатурах и гемостазе, когда внутри тебя самой не заживающая рана?

Её мысли, игнорируя жалкие попытки разума вернуть контроль, снова и снова возвращались к теперь уже бывшей подруге. В ушах навязчиво звучал голос Кати, звонкий и искренний всего три дня назад на кухне в общежитии: «Да ты что, Дин, мы с Вадиком просто друзья! Он мне как брат, я бы скорее умерла, чем посмотрела на него иначе». А потом этот доверчивый смех, и просьба одолжить то самое платье цвета морской волны, потому что «у меня свое в стирке, а выгляжу я в нем как селедка». Дина тогда сама застегнула ей молнию на спине, поправила лямки и искренне радовалась, что помогает подруге понравиться кому-то на вечеринке. Как она могла?

Вопрос бил изнутри тупыми гвоздями, не находя ответа. Это была не просто банальная интрижка, украденная ночь или минутная слабость. Это было планомерное, хладнокровное осквернение самого святого, что есть между людьми.

Предательство сотен часов разговоров до рассвета на узкой койке, когда они делились самым сокровенным, вытирая друг другу слезы дешёвыми бумажными платками.

Они вскрыли её доверие скальпелем, да так небрежно, что края раны разошлись. И сделали это не ради великой страсти — Дина видела лишь помятые воротники и стыдливый, бегающий взгляд Вадима. .

Солнечный луч упал на страницу учебника, высветив жирный заголовок «Гнойно-воспалительные осложнения». Дина резко захлопнула книгу. Глухой хлопок толстого переплета прозвучал в мертвой тишине аудитории как выстрел. Серёжа вздрогнул и удивленно покосился на неё. Дина медленно выдохнула, стараясь задавить поднимающуюся к горлу тошноту. Боль пульсировала глухо и горячо, требуя немедленного вмешательства. Но хирурга, способного наложить швы на эту рваную рану, в целом мире больше не существовало. Оставалось только сидеть на последней парте, смотреть на чужие затылки впереди и учиться дышать с разорванным сердцем.

Гул большой университетской столовой навалился внезапно, оглушая сразу после того, как за стеклянными дверями осталась тихая академическая прохлада коридоров. Чет-

вёртая пара выжала из студентов последние соки: воздух здесь казался густым и плотным, он дрожал от сотен одновременных разговоров. Пахло подгоревшим компотом, дешёвым соевым мясом и влажной тканью курток. Дина стояла у кассы, машинально сжимая в кармане мятый студенческий билет. В ушах до сих пор звенел голос лектора. Она искала свободный столик, щурясь сквозь сизую дымку испарений, когда её плеча коснулись чьи-то пальцы — лёгкие, почти невесомые, но оставившие на коже невидимый ожог.

— У тебя всё хорошо? — спросила Катя. Она стояла слишком близко, нарушая хрупкий кокон личного пространства Дины. Её ясные, встревоженные глаза смотрели участливо и прямо. На губах дежурила заботливая полуулыбка той, кто искренне не понимает глубины пропасти. Какое право она имеет спрашивать? После всего, что сделала! «Нет, и виновата в этом ты!» — хотела крикнуть Дина так громко, чтобы этот гул перекрыл даже грохот посудомоечной машины. Хотела схватить её за плечи и вытрясти из неё это лживое, приторное беспокойство. Но слова застряли в горле колючим комом ржавой проволоки. Она лишь молча кивнула, деревянно перехватывая липкий пластиковый поднос с двумя серыми котлетами и водянистым пюре.

Мила уже сидела за их привычным столом у окна, выходящего на парковую аллею. Она методично давила вилкой остывающий горох, превращая его в однородную зеленоватую кашу, и демонстративно не смотрела в сторону при-

ближающейся подруги. Дина тяжело опустилась на жалобно скрипнувший стул рядом. Несколько тягостных секунд они молчали, разделённые шириной стола, который сейчас казался бескрайним полем ничейной земли. Густой запах еды вдруг стал тошнотворным.

Наконец Мила подняла взгляд. Сдвинув очки с толстыми линзами выше на переносицу, она склонила голову набок. В её глазах плескалось холодное, отстранённое любопытство старосты курса, привыкшей закрывать ведомости и решать чужие проблемы.— Прости за вопрос, что произошло между тобой и Катей? — ровно произнесла она, отправляя в рот очередную порцию гороха.

Внутри Дины что-то оборвалось с глухим стеклянным звоном. Значит, вот оно что. Милу интересует не сама причина ссоры, не то, почему её лучшая подруга теперь смотрит на неё пустыми глазами, а исключительно факт нарушения социального протокола. Ей нужна сухая сводка событий для своего идеального мирка, где все конфликты решаются простым перемирием за чашкой чая.— Тебя это не касается, — отрезала Дина. Голос прозвучал хрипло и незнакомо даже для неё самой, царапнув связки наждачной бумагой. Каждое слово было отточено, как лезвие канцелярского ножа. Мила удивлённо моргнула. Маска всезнающей старосты дала трещину, обнажив обычную растерянность. Она ожидала оправданий, вздохов, приглашения стать третейским судьёй, но никак не этой ледяной стены. Не говоря больше

ни слова, девушка пожала плечами с преувеличенной, театральной небрежностью. Этот жест был красноречивее любых слов: «Я предложила помощь, меня отвергли, моя совесть чиста». Она аккуратно поставила на край подноса свою грязную тарелку, оставив на светлом пластике жирный оранжевый след от морковного салата, взяла стакан и направилась к выходу.

Её прямая спина стремительно удалялась сквозь толпу, разрезая поток студентов. Дина проводила её взглядом, полным ярости, казалось, ещё немного — и воздух вокруг вспыхнет. Весь мир ополчился против неё, укутавшись в непроницаемые маски фальшивого участия и холодного нейтралитета. Вилка в руке Дины медленно, с протяжным металлическим скрипом согнулась пополам. Обед остался нетронутым, превратившись в серый монолит остывшего крахмала.

День в институте казался бесконечным. Лекции, семинары, коллоквиум по фармакологии. Сидя в аудитории, она мечтала только об одном: поскорее оказаться дома, заварить крепкий чай и закутавшись в плед, читать интересную книгу. Замок щёлкнул с тихим металлическим стуком. Катя включила в прихожей свет и стала переобуваться, затем прошла на кухню и поставила чайник.

Пока он закипал она зашла на свою страницу и увидела не прочитанное письмо от Паши. Сердце пропустило удар. Неужели что-то случилось? ЧП в части? Или ещё чего хуже?

Катюша! Мне не легко об этом писать,но я полюбил другую девушку. Уже совсем скоро у нас состоится свадьба. Надеюсь ты сможешь меня понять и простить ".

Катя перечитала это сообщение много раз,но так и не смогла поверить,что это всё происходит на самом деле. По её щекам потекли слёзы,но девушка их даже не заметила.

Руки дрожали так сильно, что она едва смогла ухватить горячую ручку чайника полотенцем и снять его с плиты. Горячая вода плеснула в кружку, растворяя сахар, которого она вовсе не хотела добавлять, просто действовала машинально.

Катя закрыла ноутбук, откинулась на спинку кресла и обхватила колени руками, свернувшись маленьким беззащитным комочком. За окном уже сгушался серый московский вечер, моросил мелкий дождь, стучал каплями о карниз. В квартире было тихо до звона в ушах — только мерное гудение холодильника да далёкий шум проспекта напоминали ей, что жизнь продолжается где-то там, вне этой комнаты, ставшей внезапно чужой и пустой.

Вдруг взгляд девушки упал на книжную полку напротив: яркие обложки любимых романов казались сейчас издевательски счастливыми. Там были истории про любовь, которая побеждает расстояния, непонимание родителей, бедность и любые испытания судьбы. Только её собственная история закончилась банально и пошло — сообщением из нескольких предложений.

Катя встала, подошла к окну и прижалась горячим лбом к

прохладному стеклу. Город внизу жил своей жизнью: спешили машины, кто-то бежал через дорогу, размахивая зонтом, торопясь домой или навстречу кому-то любимому. А здесь, на седьмом этаже обычной панельной многоэтажки в спальном районе Москвы, остановилось само время.

Она решительно вытерла лицо ладонями, прошла в спальню и достала с полки самую любимую книгу детства — потрепанный томик Тургенева, мамин подарок на шестнадцатилетие. Пусть сегодняшний вечер закончится хотя бы знакомыми страницами, которые знали её совсем другой — счастливой девочкой, верящей, что настоящая любовь бывает одна и навсегда.

Укрывшись пледом прямо поверх одежды, Катя открыла первую страницу и позволила чужим словам медленно вытеснить собственные мысли. Нужно просто дождаться утра.

Глава 7

В казарме стояла тишина — все спали после тяжёлого и насыщенного дня. Только Паша Неклюдов лежал на своей верхней койке с открытыми глазами, уставившись в тёмный потолок. Уже несколько дней Катя сбрасывает его звонки, а сообщения остаются непрочитанными.

Мрачные мысли одна за другой лезли в голову, липкие и холодные, как осенняя грязь.

Ему не хотелось верить, что пока он учился выживать, она так легко вычеркнула его из жизни.

— Нет, — едва слышно прошептал Паша сам себе, переворачиваясь на бок и глядя на спящего внизу Семёнова. — Катя не такая. Она любит меня.

Эта мысль была спасательным кругом. Если уж она обещала ждать, то обязательно дождётся. Они же дали друг другу это слово перед самой отправкой.

Тени от абажура ложились на обои мягкими, бархатными волнами, стирая привычные углы комнаты и превращая её в хрупкий остров посреди бушующего океана времени. Завтра этот океан поглотит его, унесёт за сотни километров — туда, где лязгает сталь, а воздух пахнет оружейной смазкой и тревогой. Но сегодня время остановилось, сжавившись над ними. Из старого проигрывателя лилась тихая музыка — то-

мительная, обволакивающая мелодия виолончели, под которую хотелось не говорить, а просто дышать в унисон.

Он зажёл свечи. Пламя дрожало, словно испуганная птица, бросая золотые блики на хрустальные грани бокалов с недопитым красным вином. По комнате поплыл густой аромат воска, смешанный с запахом озона после недавнего короткого ливня, капли которого всё ещё блестели на тёмном оконном стекле.

Катя сидела напротив него в своём любимом голубом платье из тонкого шёлка. Ткань струилась по её коленям при каждом едва заметном движении. В этих глазах цвета летнего неба сейчас отражалась вся вселенная. Она смотрела на него так, как смотрят на икону перед долгой разлукой или на путника, уходящего в море — без единого слова мольбы удержать, но с такой всеобъемлющей нежностью, что перехватило дыхание.

— Я буду ждать тебя — прошептала она, нарушив густую тишину. Она потянулась через столик, накрытый лучшей скатертью, и взяла его руку в свои ладони. Они были горячими, сухими и чуть заметно дрожали. Он боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть мгновение.

Музыка внезапно стихла, закончившись последней протяжной нотой, которая повисла в воздухе стеклянной паутиной.

Он медленно опустился на одно колено прямо на жёсткую доску пола. Дрожащими пальцами полез во внутренний кар-

ман брюк, нащупал прохладный бархат и извлёк маленькую чёрную коробочку.

Внутри, на красном атласе, поймав отблеск живого огня, лежало кольцо.

Он бережно взял её левую руку. Тонкое золото скользнуло на палец идеально, будто всегда принадлежало ей.

—Я согласна —прошептала она.

Он приподнял её лицо за подбородок и поцеловал.

Свечи горели ровно. Музыка давно кончилась, но тишина больше не давила.

Впереди была пропасть длиной в два года, полная писем и коротких звонков.

Эти мысли давали надежду на самую счастливую семью, которую они построят вместе. Ту, которой у него никогда настоящего не было. Образ родного отца, был похож на лоскутное одеяло из обрывистых воспоминаний. Когда он только родился, Евгений испугался ответственности и сбежал. Появился только тогда, когда ему было чуть больше года.

Но семейная идиллия продлилась не долго, когда его мама была беременна сестрой, он начал ей изменять, а после рождения Вари, они развелись.

Но пустоты в их доме не было. Вскоре появился Владимир Королёв, он не побоялся взять женщину с двумя маленькими детьми.

Отчим любил их с сестрой как родных.

Потерять Катю означало снова остаться одному. Вернуть-

ся в тот холодный мир. Но страшнее этого было другое — стать таким, как его отец.

Плотнее закутавшись в тонкое армейское одеяло, Паша заставил себя дышать ровнее. Завтра предстоял тяжёлый день — стрельбы на полигоне, прыжки с парашютом, основные занятия. Нужно спать. А со всем остальным они разберутся, когда он вернётся.

Катя проснулась от тяжёлого сна. Голова гудела, а во рту остался горький привкус слёз.

Она села на кровати, обхватив колени руками. В комнате было тихо, только за окном шумел ветер. Письмо от Паши, прочитанное вчера вечером, висело в голове свинцовой гирей.

Что мне делать дальше?» — мысленно спрашивала она сама себя. Она знала, что он не мог так поступить, но боль от предательства всё равно жгла изнутри.

Сердце сжималось от страха перед будущим. Без Паши её жизнь казалась пустой и бессмысленной.

В этот момент телефон снова завибрировал.

Катя вздрогнула. На экране высветилось имя: Вадим Смирнов.

«Доброе утро, как спалось? Сегодня выходной, не хочешь сходить в кино? С меня билеты и мороженое, с тебя только присутствие. Отказ не принимаю, заеду за тобой через час. Да, кстати, напиши мне свой адрес».

Катя перечитала сообщение дважды, чувствуя, как внутри

поднимается глухой протест. Кто дал ему право? Она даже душ принять не успеет, не то что разобраться со своей рухнувшей вселенной.

Написав адрес, она опустила телефон на тумбочку. Горячая вода в душе била по плечам, пытаюсь смыть бессонную ночь, но запах шампуня только напоминал о том утре, когда они вместе выбирали его в магазине.

Час пролетел незаметно. Хриплый сигнал домофона разрезал тишину квартиры как выстрел. Катя стояла перед зеркалом в прихожей, сжимая в руках расчёску. На ней были старые джинсы и обычный свитер, волосы она завязала в хвост.

— Спускаюсь, — хрипло бросила она в трубку, нажимая кнопку открытия магнитного замка.

Вадиму ждал её около дома, пристроившись на скамейке возле детской площадки. Он достал телефон и хотел уже набрать её номер, но тут увидел, как она выходит из подъезда.

— Привет, это тебе — сказал он, протягивая букет цветов.

— Спасибо.

— Поехали? Сеанс скоро начнется.

Катя коротко кивнула, будто приняла какое-то решение, Вадим сел за руль и завёл двигатель. Тишина в салоне повисла густая, осязаемая, нарушаемая лишь щелчками поворотника. Они выехали со двора. Катя смотрела в окно на проносящиеся мимо дома, но видела не их, а строчки из письма: «дело не в тебе... я полюбил другую». Как банально. До

тошноты.

— Какой фильм хоть? — её собственный голос прозвучал откуда-то издалека.

— Боевик.

Вадим старался говорить ровно, но в его тоне сквозила напряжённая забота.

— Идеально.

Он мельком взглянул на неё, затем снова на дорогу.

— Сделать музыку тише?

Катя покачала головой.

За стеклом замелькали залитые солнцем улицы, слишком яркие, почти невыносимые. Катя прикрыла глаза, прижимая к груди цветы. Их аромат смешивался с запахом чистоты в салоне машины и едва уловимым ароматом одеколona Вадима — запахом чего-то надёжного и спокойного.

Она сделала глубокий вдох, пытаясь выровнять дыхание

Его рука легла на рычаг коробки передач, пальцы чуть дрогнули.

— Просто молчи, если хочешь. Я всё понимаю.

И они поехали дальше в тишине, которая больше не казалась неловкой.

Утро ворвалось в комнату не назойливым звоном будильника, а густым солнечным светом, просочившимся сквозь неплотно задернутые шторы. Варя проснулась сама — вспорхнула из невесомого облака сна, оставив на подуш-

ке лишь едва уловимый след своего тепла

Старый кассетный магнитофон щёлкнул клавишей с легким механическим вздохом, и спальню мгновенно заполнила волна ритмичной музыки. Под бодрые аккорды девушка сбросила с себя остатки сна. Зарядка превратилась в плавный танец — руки взмывали вверх, тянулись к потолку, позвоночник выгибался послушной тростинкой, сбрасывая невидимую паутину ночных теней.

Затем последовал контрастный душ. Обжигающие ледяные иглы сменялись обволакивающим бархатным паром, заставляя кожу вспыхивать тысячами крошечных искр. Вытершись насухо жестким полотенцем, девушка почувствовала, лёгкость.

Тяжелая чугунная сковорода сыто заурчала, принимая на себя капли оливкового масла. Варя разбила три яйца, и янтарные желтки растеклись по белоснежной глади двумя маленькими солнцами. По кухне поплыл густой, пряный аромат свежего базилика и черного перца. Кофе в старой медной турке поднялся трижды, упрямая пенка каждый раз пыталась удрать через край, но Варя вовремя приподнимала джезvu над газовой конфоркой. Завтрак вышел сытным и невероятно вкусным.

Но вслед за физической легкостью пришла свинцовая тяжесть бытовой неизбежности. Мысль о пылесосе и тряпке вызвала глухое внутреннее ворчание. Хотелось бросить все, закутаться в плед и дочитать начатый роман, где герои

жили яркой, придуманной жизнью. Однако сегодня суббота и мама как всегда приедет к ней с проверкой. Они с отчимом давно предлагали и ей переехать в загородный дом, но её школа, в которую она ходит с первого класса, находится в пяти минутах от квартиры в которой она живёт. Если мама увидит этот творческий беспорядок, укоризненный вздох будет самым мягким наказанием. Скорее всего, начнется долгая лекция об ответственности, после которой чувство вины будет преследовать Варю минимум неделю.

Вздыхнув глубоко, она смирилась с судьбой. Первым делом была загружена посудомоечная машина: стеклянные бокалы встали в верхний ярус хрупкими солдатиками, а тарелки улеглись внизу, надежно зафиксированные пластиковыми зубцами.

В ванной загудел кран, наполняя старое оцинкованное ведро холодной водой, которая тут же потемнела от первой порции колпачка едкого моющего средства. Вооружившись шваброй, девушка решительно открыла дверь своей комнаты.

Учебники, еще вчера валявшиеся на столе теперь выстроились на полках ровными рядами. Корешки строгих монографий по физике соседствовали с яркими обложками литературы. Толстые общие тетради легли аккуратными стопками, перехваченные разноцветными резинками. Рюкзак, вечный спутник её школьной жизни, был проверен на наличие завалявшихся фантиков и занял свое почетное место на

крючке за дверью.

Полированный паркет заблестел, воздух стал другим — чистым, лишенным запаха вчерашней суеты. Каждая вещь нашла свое единственное, законное место, подчиняясь новому, безупречному порядку.

Варя отступила на шаг к порогу, критически оглядывая плоды своих трудов. Девушка поймала свое отражение в темном экране выключенного телевизора, поправила выбившуюся прядь волос и улыбнулась. Теперь можно было со спокойной совестью идти гулять.

Тишину квартиры пререзал телефонный звонок, на дисплее высветилось "Мама".

—Алло.

—Варенька, ты сейчас дома?

—Ну пока да, а что?

Там, во дворе, у старой сирени, ее вот-вот должен был ждать Дима. Он наверняка принес те самые пионы, которые она просила, и стоит теперь, переминаясь с ноги на ногу, всматриваясь в окна третьего этажа.

—Меня срочно вызвали на работу, привезли массовое ДТП, я нужна в операционной. К тебе сейчас заедет Володя.

Девушка мысленно чертыхнулась, вместо того чтобы идти пить ледяной лимонад на веранду городского парка, смеяться над глупыми шутками Димы и впервые позволить его руке задержаться на ее талии чуть дольше дозволенного, ей предстояло слушать наставления отчима. Она знала, что ма-

ма не может не поехать. В Склифе не бывает " не срочно". Там каждая минута —чья то жизнь.

Но это понимание не делало её собственную обиду меньше.

—Ты меня слушаешь?—Варя почувствовала,как на том конце провода,мать начала раздражаться.

—Да.

—Всё,не могу больше говорить. Целую.

И Нина первая положила трубку.

Вздыхнув, Варя вернулась в комнату. День был окончательно испорчен, а так хорошо всё начиналось.

Она опустилась на край идеально заправленной кровати.

Дима знал её с первого класса, носил портфель в начальной школе и до сих пор смотрел на неё тем преданным щенячьим взглядом, от которого Варе становилось неловко. Как объяснить человеку, что дело не в нём? Что он замечательный, добрый, надёжный — но сердце молчит.

Оно давно и безнадёжно принадлежало другому. Младшему брату её лучшей подруги.

Ей было мучительно видеть его каждый день в школьных коридорах: такого живого, шумного, всегда окружённого толпой малышей,которых он опекал.

Две недели назад этот герой стоял посреди коридора у столовой, крепко обнимая Милану из параллельного класса. И целовал её так отчаянно, словно пытался стереть само понятие личного пространства.

Варя зажмурилась, прогоняя стоящую перед глазами картинку. Идеальный порядок в комнате больше не радовал. Какой смысл драить полы, если внутри руины?

На тумбочке лежал сложенный в четверо билет. Она хотела его порвать, но вместо этого спрятала в верхней ящик стола. Пусть полежит. В гостиной тикали часы. Каждая минута тишины звенела в ушах, напоминая, что никакого кино не будет.

Серая громада кинотеатра равнодушно взирала на площадь стеклянными глазами афиш. Димка топтался под козырьком уже полчаса, и каждая минута этого ожидания медленно разъедала его изнутри, словно капля кислоты. Вчера в гулком школьном коридоре всё казалось таким простым : он неловко протянул ей два билета, она улыбнулась своей особенной улыбкой и выдохнула тихое «Пойдём». Это был первый настоящий шаг за все десять лет, что они учились вместе. А теперь она опаздывала.

Город вокруг жил суетливой субботней жизнью, но для него время застыло, превратившись в вязкую, тягучую смолу. Он то прятал озябшие руки глубоко в карманы куртки, то доставал телефон, слепо глядя на тёмный экран без единой весточки.

Внезапно с севера налетел порыв ветра — злой, сырой, пахнувший прелой землёй и гарью далеких заводов. Он взвыл в проводах, закружил вдоль фасада здания мелкий мусор и швырнул в лицо целую пригоршню колючего, мокрого снега.

Снежинки ударили по щекам, забились за воротник ледяной крошкой. Зима в этом году окончательно сошла с ума. Она упёрлась, как старая, капризная старуха, отказываясь освободить место робкому марту. По ночам невидимый мороз до хруста сковывал лужи тонкой корочкой, а днём тусклое солнце лениво слизывало снег, превращая тротуары в густое, чавкающее месиво из бурой грязи, талой воды и островков почерневшего льда.

Димка снова посмотрел на запястье. Дешёвые электронные часы равнодушно высвечивали 14:32. Сеанс начался две минуты назад. Внутри зрительного зала, отделённого от него толстой стеной, сейчас наверняка гаснет свет, раздвигается тяжёлый бархатный занавес, и первые титры плывут во тьме.

Он представил Варю где-то там, в тепле уютных кофеен или среди стеллажей книжного магазина, о котором она вчера так восторженно рассказывала. Представил, как она забыла, просто вычеркнула этот час из памяти, занятая чем-то более важным. Как нелепо он, должно быть, выглядел со стороны: долговязый мальчишка с двумя билетами в кармане.

Мимо, держась за руки и оставляя на грязном асфальте цепочку одинаковых следов, прошла молодая пара. Девушка звонко рассмеялась, пряча нос в пушистый шарф, а парень что-то шептал ей на ухо. От них веяло тем самым счастьем, которое полагалось сегодня испытывать ему.

Димка сделал шаг наперерез им, преграждая путь. Сердце пропустило удар, а потом глухо заколотилось где-то в горле.

— Возьмите, — сипло сказал он, протягивая билеты. Его пальцы побелели от холода и напряжения. — У меня... изменились планы.

Парочка удивлённо уставилась на помятые картонные прямоугольники, затем перевела взгляд на бледное лицо подростка. Девушка неуверенно взяла билеты, бормоча смущённое «спасибо».

Он не стал слушать дальше. Не дожидаясь продолжения, резко развернулся и пошёл прочь, прямо в середину огромной лужи, даже не пытаясь обойти грязь. Холодная вода мгновенно пропитала тонкие кроссовки, сковав стопу ледяным панцирем. Ему было всё равно. Острая игла разочарования засела глубоко под ребро, мешая дышать полной грудью.

Впереди, сквозь пелену вновь зарядившего мокрого снега, маячил поворот к автобусной остановке. С каждым шагом кинотеатр «Космос» становился всё меньше, пока совсем не растворился в сизой дымке непогоды вместе с несостоявшимся первым свиданием. Над площадью висела огромная афиша фильма о вечной любви, капли дождя стекали по глянцевої бумаге, размывая счастливые лица главных героев.

Глава 2